

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ГАВАНЬ
КРАСНЫХ
ФОНАРЕЙ**

Сергей Иванович Зверев
Гавань красных фонарей
Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6518292

Зверев С. И. Гавань красных фонарей : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-68339-0

Аннотация

В Амстердаме планируется крупное международное мероприятие с участием высокопоставленных особ. В службу безопасности просочилась информация о возможном теракте. Голландская сторона обратилась к правительству Российской Федерации с просьбой обеспечить безопасность мероприятия. Москва отреагировала на просьбу незамедлительно: в Амстердам направлена группа боевых пловцов капитана Татаринова. Им приказано взять под охрану ту часть акватории порта голландской столицы, где будут пришвартованы российские яхты с VIP-персонами...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Сергей Зверев

Гавань красных фонарей

Август шумит тихим дождем, шлепая по крыше одинокой сторожки. Радужные капли, просвечиваемые ярким солнцем, падают из небольшой тучки, стучат по шиферу и навевают легкую грусть. Впереди осень. Пусть пока еще под ногами зеленая трава, но уже веет неумолимым увяданием от густого, терпкого запаха поспевающего урожая и невидимой завершенности, исполненного долга, венца лета...

Густой ельник, приютивший домишко, выходит мягким краем прямо к берегу прозрачного, глубокого озера. Несколько елок свешивают свои мохнатые лапы прямо над водой, обнимая огромными ручищами древнюю голубую чашу.

Капли веселого дождика падают на поверхность воды, взбивая тысячи маленьких, едва уловимых всплесков. Крохотульки растворяются, сливаются со своими сестрами в единое целое, полностью отдаваясь огромному сосуду жизни, образовавшемуся посреди Сибири миллионы лет назад. От падения воды в воду возникает ощущение возобновления, непрерывности жизни, бесконечности потока времени и материи.

Старший мичман Диденко сидел внутри домика, у открытой настежь двери, и смотрел на легкую рябь озера. В тихие

минуты послеобеденного отдыха мичман напоминал старому коту, вспоминающего только ему ведомые дела давно минувших дней и размышляющего о своей доле, о драках, о подвигах и о кошках...

Находящаяся на сборах группа боевых пловцов под командованием капитана второго ранга Татарина, да храни бог его душу, укрылась в небольшом строении, чтобы перевести дух после дневных учений.

В том самом озере, где они возились около утопленного экскаватора, отрабатывая подходы к объекту и охрану его, а также захват диверсантов, в том же самом озере Диденко успел наловить два десятка отличных карасей. На ораву из семи мужиков улов был не слишком богатый, но для того, чтобы поправить настроение и почувствовать себя частицей природы, каждому было достаточно по миске ухи...

Они только что пообедали, и командир позволил отдохнуть и расслабиться.

Сам Татарин уселся под навесом сторожки на бревно и закурил.

Монотонность падающих с неба капель, шелест травы навевали воспоминания... Затянувшись, командир принялся рассуждать про себя на тему собственных успехов и собственных неудач, которых в его жизни было несметное число.

Кто бы мог подумать, что здесь, среди тайги, где нет никаких не то что океанов или морей – здесь нет даже больших

озер, может тренироваться группа боевых пловцов.

Татаринов с грустью думал о том, что по роду своей деятельности он был вынужден побывать в очень многих странах, но крайне редко ему удавалось бывать где-то, где есть роскошь, где есть блеск, где ездят на дорогих автомобилях, курят дорогие сигары и разговаривают друг с другом под черкнуто корректно.

Вся его работа состоит из стрельбы, крови, пота, мата и бесконечных физических нагрузок. Но ведь где-то есть и другой мир – мир роскоши, мир, который манит к себе всех людей. Да, простые обыватели, так любящие смотреть сериалы про богатых и властных, может быть, в чем-то и правы.

Вот живут они посреди России в месте, о котором и сказать-то никому нельзя, и тренируются надевать на себя гидрокостюмы, дыхательные аппараты, проводить под водой по несколько часов. А все ради чего? Какая цель? Цель есть. Цель есть всегда. Где-то, за уже упомянутыми морями, есть другие люди, которые хотят сделать так, чтобы русские жили плохо. И может быть, об этом кто-то не знает, кто-то в это просто не верит. Но Татаринов, сталкиваясь с противником, еще и еще раз убеждался в необходимости своей работы и службы, существования себя самого на белом свете.

Но все-таки как жалко, что он никогда не был в королевских кругах... Вот пустили бы его... Что значит пустили?! Пригласили бы! На бал или какой-нибудь прием... Вот там он действительно оттянулся бы по полной программе. Как

настоящий русский офицер, крепко обнял бы за талию какую-нибудь королеву и умчался бы с ней в стремительном и плавном вальсе... Татаринов грустно вздохнул и с удивлением увидел, что сигарета иссякла.

Дождик закончился. Снова стало тепло и светло, и снова на оголенную по локоть руку сел огромный слепень. Командир не стал дожидаться, пока его укусят еще раз, и от души хлопнул по гаду. Проводив удовлетворенным взглядом отвалившегося от него кровопийцу, Татаринов вернулся в сторожку, где увидел, что посуда вымыта, а весь личный состав устроил себе, не сговариваясь, тихий час.

Попадав на металлические двухъярусные койки, бойцы отрабатывали взаимодействие щеки и подушки. Недавно сидевший у входа старший мичман Диденко уже храпел. Над ним лежал, придавив своим центнером кровать, старший лейтенант Голицын по прозвищу Поручик. Та еще парочка со старшим мичманом. Напротив них дрыхли два капитан-лейтенанта: связист по фамилии Марконя и штатный доктор, просто Док.

Дальше два специалиста по минно-подрывному делу: мичман Малыш, выделяющийся во всей группе своим двухметровым ростом, и его напарник, а в большинстве случаев и командир – старший лейтенант Бертолет.

Сев на свою койку, над которой не было еще одного яруса – командирская привилегия, Татаринов посмотрел на своих подчиненных и подумал: «Так, а кто у нас на часах? На часах

оставили командира? Непорядок!»

Капитан второго ранга уже хотел было поднять Малыша, но потом, спросив сам себя, хочет ли он спать, решил, что так и быть – посидит, подежурит час-другой.

Они у себя дома. Забрести к ним может только животина какая. До ближайшего населенного пункта с десятков километров, и достаточно просто дверь изнутри закрыть на засов, но бдительность никто не отменял, потому постоянно один человек не спал. Это дисциплина, это тонус, это служба...

Все, кто входил в его группу, выбрали для себя несколько лет назад трудную и опасную работу, включающую в себя и уничтожение врага...

Мысль о танце с королевой так крепко засела в голове офицера, что он снова пошел под навес, где раскурил еще одну сигарету. Подобное позволял себе редко, начиная заботиться о здоровье...

* * *

Пока Татаринов пребывал в мечтах и воспоминаниях, в старушке Европе стрелки часов перешагнули полдень.

Софи сидела на небольшом диванчике и пила прекрасно приготовленный кофе. Когда ее любимый русский слуга поставил чашечку на стол, она вежливо кивнула ему и, после того как молодой человек удалился, принялась читать список лиц, которых комитет выбрал для вручения премии от

имени ее благотворительного фонда.

Королева Софи правила Нидерландами уже на протяжении пяти лет. Ей повезло ровно в той же степени, в какой не повезло ее близким родственникам, погибшим в результате чудовищного покушения. Конечно, когда ты рождаешься в королевской семье, в семье монархов, становится понятно, что, с одной стороны, у тебя очень большая власть, а с другой – очень большая ответственность за судьбы подданных. Только в детстве, когда твои отец и мать решают все сложные вопросы, когда ты не задумываешься о том, что скоро будет необходимо забросить все свои увлечения ради одной-единственной цели – сохранения преемственности, сохранения семьи и сохранения монархии.

Сейчас ей тридцать.

Королева не отличалась высоким ростом, но зато она отличалась острым умом. И порой ей даже хотелось обменять часть своего интеллекта на несколько сантиметров, для того чтобы выглядеть чуть выше и чуть стройнее.

Неужели монарха могут беспокоить такие глупости, как собственный рост? Наверное, нет, но в век таблоидов и бесконечных толп папарацци и корреспондентов, хочешь не хочешь, начинаешь стремиться к тому, чтобы выглядеть как можно более эффектно, тем более когда ты голубых кровей и когда ты молодая женщина.

Комитет фонда отобрал несколько кандидатур, и теперь она должна была ознакомиться с ними, для того чтобы вы-

разить или свое согласие, или свое несогласие. Вот такая непростая королевская участь.

Первым в списке шел премьер-министр Турции.

Софи сморщила нос, но тем не менее поставила напротив фамилии плюстик. Да и сумма в сто тысяч евро не являлась чем-то выдающимся на фоне других организаций, вручающих свои чеки. С другой стороны, это добровольный шаг со стороны их королевства. То есть с ее стороны.

Королева с тревогой дотронулась до занывшего вдруг правого бока, чуть побледнела, сжала губы и поспешила принять таблетку. Покушение не прошло для нее бесследно, она была там, в машине, следовавшей за лимузином матери и отца. Осколок взорвавшегося на обочине автомобиля, убившего чету венценосных особ, пробил лобовое стекло машины Софи. Убил охранника, пройдя сквозь него. Пропорол спинку сиденья и ранил ее...

Убрав из головы негатив, она сосредоточилась на бумагах.

Под номером два шел итальянский скульптор, который выделялся из остальной массы бесталанных и никчемных творцов практически идеальным исполнением форм человеческого тела. Глядя на скуластое, широкое лицо, королева пыталась припомнить, видела ли она когда-нибудь раньше этого человека. Но ей так и не удалось сопоставить фотографию с теми лицами, которые она встречала в своей жизни. А и ладно, поставила плюс и перешла к номеру три.

Третьим был доктор из Исландии по фамилии Пинта.

«Настоящий доктор», – подумала королева, разглядывая фото человека лет сорока пяти – пятидесяти в больших круглых очках, вставленных в тонкую оправу. Большой умница.

Из текстового представления следовало, что доктор проявил себя в области разработки препаратов, облегчающих жизнь пациентов после пересадки чужих органов.

«Какой молодец!» – Королева снова похвалила исландца и уверенно завизировала свое согласие выдать доктору сто тысяч.

Кофе как-то быстро иссяк, а впереди еще семнадцать позиций. Всего было двадцать номинантов, и про всех приходилось читать, поскольку каждое имя стоило сто тысяч.

Дальше шел какой-то русский...

Она подумала о том, что было бы неплохо, если бы за каждого изученного номинанта на ее счет падало по сто тысяч евро. При таком раскладе можно даже не быть королевой. Тут она всерьез задумалась над тем, сколько стоит ее власть, ее возможность находиться во главе государства. И тут Софи подтвердила свой сделанный давным-давно вывод: она никогда и ни за какие деньги не уступит это место...

Королева Нидерландов была настоящей королевой.

* * *

Татаринов никого не стал будить ни через час, ни через два, давая всем выспаться. Когда личный состав оторвался

кое-как от коек, командир предложил им через пятнадцать минут народную забаву: «кто больше отожметя».

Старший мичман Диденко посмотрел несколько неодобрительно, поскольку, во-первых, он еще ото сна не отошел, а во-вторых, столь внезапные физические нагрузки скорее вредны для его уже изношенного службой организма, нежели полезны.

Старший лейтенант Голицын воспринял известие о предстоящем соревновании также без энтузиазма, так как понимал заранее, что победителем будет капитан-лейтенант Марконя.

Расстановка сил в группе была давно известна, и поэтому Малыш с высоты своего роста заявил, чтобы Марконя отжимался на одной руке.

Татаринов смерил строгим оком дерзнувшего старшего мичмана и сообщил тому, что все будут отдыхать, а он еще два километра по лесу пробежит. Просто для того, чтобы аппетит к ужину нагулять.

– Есть два километра по лесу, – вяло согласился мичман и принял, как и остальные, упор лежа.

– Отжимаемся на счет, – сообщил Татаринов и начал монотонно, делая иногда невыносимые паузы, отсчитывать: – Раз, два, три, четыре... двадцать... сорок...

Диденко отвалился... Следом, на «сорок пятом», отвалился Малыш, на «пятьдесят пятом» – Док, после чего последовал Бертолет. Но Голицын с Марконей продолжали,

словно машины, под счет Татаринова выполнять упражнение и после цифры «семьдесят». На «семьдесят втором» Голицына начало трясти, и поручик был вынужден стиснуть зубы и даже надкусить нижнюю губу, для того чтобы ни в коем случае не сдать раньше времени.

Старший лейтенант собирал остатки сил, чтобы не уступить специалисту по батарейкам...

Ведь он, Голицын, признанный рукопашник, признанный мастер владения ножами, хороший стрелок. Нужно даже сказать, что отменный стрелок. И всякий раз, когда они сходятся с Марконей в силовых упражнениях, постоянно оказывается вторым. Это бесконечное дикое унижение, которое порою они устраивают добровольно, а в этот раз по приказу командира...

Когда командирский счет дошел до отметки «семьдесят четыре», руки у Голицына отказали и он просто ткнулся в траву, в то время как Марконя издевательски еще сделал десять отжиманий, после чего с улыбочкой поднялся и небольшими поклонами поблагодарил зрителей за недолгие, но сильные аплодисменты.

Татаринов очень быстро разобрался с призами:

– Диденко, как аутсайдер, идет добывать пищу – на рыбалку. Малыш – два километра по лесу, как я и обещал. Занявший почетное второе место Голицын может ничего больше не делать. А чемпион Марконя тренирует отстающих – старшего лейтенанта Бертолета и нашего уважаемого докто-

ра. Все, можно разойтись. И... секунду: чемпион не жалеет своих товарищей и качает их по полной программе, благо свежий воздух и у нас еще не закончились репелленты от комаров. Хм-хм. Пламенный физкульт-привет! Как говорится, чем тяжелей учение, тем меньше тратим на лечение.

Окинув хозяйским взглядом стеллаж с оружием и аккуратно уложенное водолазное снаряжение, Татаринов посмотрел в угол, где стояла и его удочка. Он уже собирался было взять инструмент для рыбной ловли и отправиться следом за Диденко, когда зуммер стоящей на столе рации ожил.

Татаринов смотрел на рацию несколько секунд, как испуганный постоялец гостиницы на появившегося в ванной таракана. Желание было одно – прибить!

Снял трубку и назвал себя позывным:

– Тандем на связи...

– Тандем, это Макушка, – ответила трубка, – сейчас с вами будет говорить старший.

Что за «старший», Татаринов не понял, но когда он услышал голос, то без труда узнал вице-адмирала Старостина.

– Как отдыхается, Тандем? – спросил вице-адмирал, и Кэп живо представил, как его начальник сидит за столом и покуривает свою бриаровую трубку. Просто так адмирал не звонил. Татаринов был бы рад услышать любой голос, но только не голос Старостина.

– Вот, рыбу собрался ловить, – пожаловался тихо спецназовец на свою судьбу, ожидая, что сейчас придется в сроч-

ном порядке выдвигаться в какую-нибудь точку земного шара, начиная от Северного полюса и заканчивая Южным.

Но начальник был милостив:

– Завтра со своими подчиненными отправляешься мари-хуану курить.

Татаринов не понял юмора начальства, молчал...

– В Голландию поедешь, вслед за Петром Первым. Только оттуда наркотики не привози, как в свое время царь водку. Ждет тебя берег Северного моря и город Амстердам. Инструкции получишь уже в штабе. А сегодня, так и быть, можешь сходить порыбачить.

Попрощавшись, Татаринов поблагодарил бога мысленно за то, что его не сдернули с места в ту же секунду, вытащил из угла удочку и побрел искать уже исчезнувшего на берегу Диденко. Какой это теперь отдых!

* * *

К вечеру следующего дня группа Татаринова добралась до своего месторасположения на побережье Балтики. Спасибо военной авиации. По прибытии Кэп отправился в штаб, чтобы взглянуть на содержимое оставленного для него пакета.

Командир бригады морской пехоты лично передал Татаринову распоряжение, после чего предложил гостеприимно стакан чая и печенье. Желая поддержать отношения с батькой всей бригады, на территории которой и квартировали его

люди, Татаринов не отказался.

Пока кипел электрический чайник, кавторанга успел взять со стола ножницы и аккуратно отрезать край конверта. Внутри находился всего один лист бумаги, но с печатью и подписью – все как положено.

Пробежав глазами по строчкам, командир понял, что вице-адмирал его не обманывал. Действительно, им предстоит командировка в Европу, чего уже давно не случилось – в основном посылали их, надо сказать, во всякие дыры, далекие от истинной цивилизации. Здесь же им придется войти в население золотого миллиарда.

Как водится, времени подумать не дали, и уже завтра утром они должны были в полном составе вылетать в сторону Северного моря.

После перелета Татаринов собрал группу и провел короткое совещание, ввел в курс дела. Им предстояло участвовать в охране порта и обеспечивать безопасность при проведении мероприятия, связанного с вручением премий от королевы Нидерландов. Обычная работа группы боевых пловцов – охрана акватории совместно с местными спецами.

Услышав, куда их перебрасывают, Диденко тут же вспомнил про квартал красных фонарей, что вызвало оживление у всей группы.

Голландия, знаменитая на весь мир своим либерализмом, привлекала большое количество туристов. И что с того, что в данном случае туристы будут при погонах? Да и задание,

которое им предстоит выполнять, было для них знакомо, поскольку приходилось решать подобные задачи не раз...

– Что, и олигархи будут? – спросил Голицын, поглядывая с интересом на командира.

У Татарина не было пока никакой детальной информации, и ничего определенного подчиненным он сообщить не мог.

– На месте разберемся, – ответил капитан второго ранга и ткнул лазерной указкой в точку на карте, попав четко в город Амстердам: – Нам туда!

* * *

Закончив упражнения на брусьях, Сильвия посмотрела на своего тренера: «Можно?» Тот ровным кивком разрешил ей оставить зал. На сегодня тренировка была закончена.

Сборная страны по спортивной гимнастике тренировалась в большом манеже на протяжении нескольких недель, готовясь к предстоящим соревнованиям. Сильвия знала, что на нее возлагают большие надежды, и поэтому работала на тренировках с бесконечным упорством, оттачивая свою программу. До международных соревнований оставалось не более двух недель. Ходили слухи, что данное мероприятие должны посетить очень богатые и очень влиятельные люди, которые, по стечению обстоятельств, окажутся в городе в дни состязаний.

Сильвии недавно исполнилось четырнадцать лет, и она, как и любой подросток, хотела поскорее оказаться в той взрослой жизни, которая давала большую свободу, большие права и, как ей казалось, была более красивой. А сейчас она понимала, что ей нужно очень много работать, для того чтобы через несколько лет получить место под солнцем в мире взрослых, для того чтобы иметь возможность оплачивать себе образование и зарабатывать на жизнь. Сильвия Польна мечтала, во-первых, стать чемпионкой мира, а во-вторых, зарабатывать хорошие деньги. Поскольку она была симпатичной девочкой, то рассматривала для себя и варианты работы моделью.

«Пусть я и небольшого роста, но ведь малышки тоже нужны в модельном бизнесе. Это правда! А личико очень-очень даже ничего... – размышляла девушка, разглядывая себя в зеркало после принятия душа. – Да, грудь... но так это от спорта, и время, наверное, еще не пришло, зато ноги ровненькие и пресс, вау! Даже в сборной такой не у всех девочек».

Перестав красоваться в раздевалке, она вздохнула и поспешила домой.

Попрощавшись с подругами по гимнастическому цеху, Сильвия вышла на улицу и по небольшой улочке, которая начинала погружаться в вечерние сумерки, пошла к остановке автобуса. Через несколько минут желтый гигант должен был довести ее до квартиры, которую снимали ее родители

– польские эмигранты.

Сильвия, как и большинство современных подростков, надела наушники, включила музыку и потопала, не оглядываясь и не обращая внимания на происходящее вокруг. Программа расписана наперед – побыстрее поесть и заняться подготовкой к завтрашнему дню в школе. Ей приходилось проявлять огромное терпение и упорство, чтобы совмещать занятия в школе и тренировки в манеже, но таков ее выбор, таков ее путь.

Будучи погруженной в саму себя и продвигаясь по знакомому маршруту, девушка не видела, что за ней следует на расстоянии нескольких десятков метров высокий худощавый мужчина. Следящий за Сильвией человек был одет в светлые брюки и светлую рубашку с короткими рукавами. На ногах у него были дорогие туфли, на руке – дорогие часы. Глядя на него, можно было подумать, что одинокий хлыщ, принадлежащий к бесконечной касте туристов, посещающих Амстердам практически круглый год, просто прогуливается.

Он прошел за девушкой до остановки, сел в тот же автобус и проехал вместе с ней несколько остановок. Когда она вновь вышла на улицу, он без труда проследовал за ней до ее дома.

Когда девушка скрылась в подъезде, человек с довольной усмешкой вынул i-устройство, отметил на карте города дом, после чего быстро поймал такси и скрылся в только ему известном направлении.

Сидя в огромном чреве транспортного «Ил-76», Голицын размышлял на тему, что армия и логистика – абсолютно разные категории. Какой смысл было давать группе из семи человек такой огромный самолет? Как говорится, ничего иного под рукой не было, и поэтому нужно радоваться, что они вообще летят, тому, что их вовремя привезли на аэродром, что взлетели они без приключений и на месте вовремя окажутся, встречающая сторона уже готова их принять и разместить. И вообще, дело международное, любые сомнения излишни, надо просто выполнять поставленные задачи.

В гигантском хозяйстве аэропорта «Схипхол» нашлось место и для прибывшего военного самолета из России. Обычно такие борта не размещают на глазах у пассажиров, что, собственно, было проделано и на этот раз. Самолет убрали на дальнюю стоянку, и никто по залу аэропорта не сделал объявления: «Совершил посадку борт такой-то из такого-то города». Ничего подобного не происходило – а жаль. Иногда старшему мичману Диденко хотелось, чтобы он вышел из самолета, увидел перед собою красную дорожку и по этой дорожке, мимо почетного караула, прошел бы через VIP-зал к лимузину.

Но Диденко и остальных бойцов ждал куда более скромный прием в виде подогнанного трапа и ожидавших внизу

двух человек в военной форме.

Один из встречавших был высоким, наверное, даже выше, чем Малыш, а второй – небольшого роста и крепким.

Спустившись по трапу, Татаринов отдал честь, ему отдали честь в ответ, после чего были произведены крепкие дружеские рукопожатия и продемонстрированы улыбки.

Чтобы не перетаскивать имущество через главный выход, транспортник открыл грузовой люк, и народ стал перетаскивать свою поклажу в подъехавший грузовичок.

То, что они привезли с собой, вряд ли прошло бы таможенный досмотр, поэтому никакого досмотра, собственно говоря, и не было.

Амстердам встречал такой же погодой, какой их всего два дня назад провожала Сибирь. Шел мелкий дождь, но с резкими порывами ветра. Стоять на открытом месте не хотелось. Прекрасно, Татаринова тут же пригласили в стоящую рядом с грузовичком «BMW», а подчиненные... ну, на то они и подчиненные, служи – дослужишься.

Длинный – майор Брегг – дежурно поинтересовался, как они долетели, на что Татаринов спокойно ответил, что перелет прошел безо всяких проблем.

Встречающая сторона сообщила, что их ждет инструктаж, после чего уже с завтрашнего утра они должны приступить к совместным учениям с подразделениями и антидиверсионными группами, которые прибывали в Амстердам со всей Европы.

Последние несколько месяцев активность террористических группировок возросла, и спецслужбам многих стран приходилось прикладывать дополнительные усилия для предотвращения различного рода террористических актов.

Мероприятие с вручением премий было важным для молодой королевы Нидерландов, а потому, получив соответствующие указания, соответствующие органы запросили дополнительную помощь от тех стран, чьи представители должны были прибыть на церемонию вручения наград.

Пусть здесь и не ждут президентов самых крупных держав, но будут видные политики, видные деятели культуры и искусства.

Уже по дороге Татаринов выяснил суть предстоящей работы. Как ожидается, помимо номинанта от России, заместителя министра иностранных дел Кокарева, придут два русских олигарха на своих яхтах. Вот эти самые яхты им и придется охранять на протяжении нескольких дней. Так как объектов в акватории порта ожидалось очень много, голландцы справедливо запросили помощь. И такая помощь в лице капитана второго ранга и его группы была им предоставлена.

Кроме того, данное мероприятие должны были занести в актив по сотрудничеству Россия – НАТО.

Группу Татаринова разместили на пустынном первом этаже небольшой двухэтажной казармы в двух четырехместных кубриках. Понравилась кровати – широкие и длинные.

Не успели распаковать свои вещи, как прибыла еще одна группа, судя по речи – турки.

Кэп уже знал, что турецкий премьер будет одной из главных звезд данного мероприятия, и когда он выглянул в коридор и увидел десяток жгучих брюнетов с большими баулами, топавших мимо него, то не удивился.

– Это кто? – высунулся следом в коридор Голицын.

– Османская империя, – ответил ему Татаринوف и закрыл дверь в коридор.

На следующее утро, когда голландцы, турки и русские были построены на плацу, Татаринوف понял, что по сравнению с «тюльпановыми» они просто дети, поскольку те возвышались огромными столбами над остальными.

Турки были примерно одного роста с русскими. Но голландцы...

«Что они тут едят, у себя в Европе? Модифицированную морковь?» – думал Татаринوف, стоя на правах командира перед личным составом вместе с майором Бреггом и турецким полковником.

Диденко, после того как узнал, что с ними на одном этаже будут жить турки, загорелся идеей научить их пить водку и есть свинину, то бишь косвенно обратить в православных.

После того как с помощью переводчиков подразделениям были поставлены первоначальные задачи, бойцы погрузились в небольшие грузовики и отправились в акваторию порта для проведения первого этапа учений.

Натягивая в двенадцать часов дня на себя гидрокостюм, Голицын как будто выпал из времени, сознание как будто отключилось. Он тренировался, ел, спал, вставал, снова нырял, поддерживал связь со своими коллегами, заодно совершенствовал свой английский – по сути, занимался тем же, чем привык заниматься и раньше, а потому мозг практически не получал новой информации.

Несмотря на все предпринимаемые усилия, Диденко пока не удалось напоить ни одного турка, в то время как он сам уже получил в подарок Коран на арабском языке и был выделен соседями, как один из самых общительных и дружелюбных персонажей.

После трех дней учений, когда голландские товарищи убедились в том, что между военнослужащими налажены определенные рабочие контакты, всем был разрешен один день отдыха.

* * *

Голая девка, абсолютно без всего, точно без всего, без трусов, крутилась на шесте, как какая-то змея, или белка, или обезьяна, вызывая в старшем мичмане Диденко противоречивые чувства. С одной стороны, это было все завлекательно и даже как-то интересно, после нескольких кружек пива начали проявляться признаки легкого возбуждения. Но в то же время старший мичман пытался представить, что же можно

делать с такой женщиной в кровати, и не находил в себе никаких желаний.

«Ее предполагаемый партнер, – размышлял старший мичман, – должен вытворять что-то подобное, и тогда вдвоем они составят некий акробатический дуэт».

Голицын сидел к сцене вполоборота. Девочки сменяли одна другую, номера без остановки будоражили зрителей. Голицыну запомнилась одна – высокая, белая, с небольшими такими... ну, с этими... яблочками, которая не столько крутилась на шесте, сколько двигалась вокруг него, прохаживалась, завлекая своими бедрами. Это понравилось больше, чем полеты под потолком вверх тормашками.

То, что голландец поведет их на стриптиз, ни у кого не вызывало сомнения, и, соответственно, когда узнали пункт назначения, никто и не возражал. Это было самое то. Побывать в Амстердаме и не посмотреть на стриптизерш, значит, зря ездил в этот город.

Русские сидели в небольшом клубе, где музыка дополняла выступления девушек, и попивали пиво с легкой закуской. Обстановка заведения, выполненная в стиле старого пиратского корабля, наводила на мысли о давних и старинных традициях голландцев как корабелов и моряков. Бармен, стоя за стойкой и поворачивая ручки импровизированного штурвала, наливал разные сорта пива, а девочки-официантки разносили пенные напитки на столики.

Несмотря на легкую порочность клуба, публика была на

самом деле не самая бедная. Не было толпы, толчеи, криков. Началось все с того, что только за вход с каждого содрали по двадцать евро, но Брегг заявил, что это заведение того стоит...

Татаринов заказал себе сигару, и, когда ее принесли, он с абсолютным блаженством раскурил ее и теперь наслаждался ароматом настоящего табака, продолжая вяло общаться с также расслабившимся голландцем.

Малыш смотрел на выступление девочек с неподдельным интересом, а потом вдруг во всеуслышание заявил, что хочет заказать для себя приватный танец.

Голландец, увидев блеск в глазах русского и поняв, что тот высказал интересную мысль, с усмешкой взял буклет со столика, нашел в перечне услуг заведения то, что хотел Малыш, и ткнул в цену.

Поглядев на цифры, Малыш сообщил, что согласен, и голландец, кивнув, позвал к себе девочку для того, чтобы сделать заказ.

Когда к двухметровому спецназовцу подошла стройная и очень красивая девушка и увела его, Голицын поинтересовался у аборигена ценой данной услуги и с интересом узнал, что за эти деньги, в принципе, можно договориться с двумя профессиональными проститутками.

Когда Малыш снова присоединился к основной компании, то выглядел он, прямо скажем, уставшим. Док, глядя на широко открытые глаза и часто вздымающуюся грудную

клетку, во всеуслышание прокомментировал завтрашнее состояние на тренировке...

А Марконя тут же сообщил, что если Малыш заплатит еще столько же, то сможет провести ночь с двумя красотками...

Все остальные солидарно озаботились возникшей проблемой, и Татаринцов, переговорив с голландцем, сообщил, что если компания хочет продолжения, то им необходимо переместиться в другое заведение, которое находится всего на расстоянии одного квартала.

Водолазы «всплыли» на улицы ночного Амстердама. Город встретил их горящими фонарями, гуляющей публикой и блеском бесконечных витрин и неоновых вывесок. На улице, где они находились, не было видно офисов банков, зато присутствовали кинотеатры, секс-шопы, кафе и рестораны быстрого питания... Здесь было все для того, чтобы человек мог поесть, сходить в кино, развлечься и полностью расслабиться...

Улица не была полностью пешеходной, и по ней то и дело проезжали машины. В основном это были такси, но также попадались и частные автомобили. Никаких больших транспортных средств – автобусов и грузовиков – не наблюдалось, что позволяло обозревать окрестности в обе стороны.

Брегг и сам разогрелся пивом и теперь с трудом прокладывал курс. Наконец он вспомнил, где находится необходимое Малышу здание с необходимыми работниками сервиса,

и указал нужное направление.

Татаринов с интересом разглядывал гуляющую публику. Им навстречу попадались парочки, одиноко гуляющие мужчины и женщины, были целые группы, похожие на них, которые приехали в Амстердам именно посмотреть на то, как устроен «город греха».

Не без удивления Татаринов увидел молодых людей, которые до сих пор надевают на себя цепи и прокалывают свое лицо во всех возможных местах, что, на самом деле вызывает отвращение, а не интерес. Но, если им так хочется, пусть делают с собой все что угодно, устраивают себе пытки... Самоинквизиторы хреновы...

«Вот кого надо в армию забирать! У нас с экстримом все в порядке!» – размышлял Татаринов, провожая глазами человек пять не просто исколотых, а изъеденных пирсингом.

Через несколько метров, прямо у фонарного столба, прижавшись плотно, целовались две лесбиянки. Маленькая, коротко стриженная брюнетка была активней и пригнула к себе высокую подругу с полностью выбритым черепом и огромными сережками в ушах. Кроме поцелуя, маленькая еще успевала сжимать сиськи своей подруги в руках и мять их.

От увиденного Голицын резко остановился. При этом следовавший за ним Марконя не успел среагировать и ширкнул ему по пяткам.

– Ты чего? – не понял капитан-лейтенант.

– Они сдвинулись, – кивнул Голицын в направлении па-

рочки.

– Что ты хотел? Свобода и демократия! – согласился капитан-лейтенант. – И у нас уже подобное есть. Вот родишь дочку, будет вот так вот, у столба... Ты хотел бы, чтобы твоя девочка на какую была похожа? На ту, что длиннее, или на ту, что поменьше? Поменьше, видишь, какая агрессивная! Могла бы в спецназе служить.

– А что? – поддержал разговор Док. – Женщины в Израиле служат!

– Они и тут служат, – напомнил о своем существовании Малыш.

Спецназовцы миновали какое-то весьма пристойное кафе, а сразу после него была витрина, подсвеченная красным, внутри которой вращались и изгибались в разные стороны огромные мужские достоинства. Один, что был в центре, не только изгибался влево-вправо и крутился вокруг своей оси, но еще время от времени вздрагивал, как бы стряхивая с себя накопившееся напряжение.

– Етить-колотить!

Недалеко от витрины, утыканной танцующими фаллосами, привлекли внимание два огромных зеленых ирокеза на головах полуголых крепких парней, которые, стоя на перекрестке, о чем-то активно разговаривали между собой. Молодые люди не спорили – они просто обсуждали что-то, но делали это крайне громко.

Тут капитан второго ранга увидел, что за необыкновен-

ной картинкой с любопытством наблюдает пожилая пара европейцев...

Сумасшедший визуальный ряд из увеселительных заведений, рекламы и тысяч свободно одетых и ведущих себя людей высвобождал какую-то незнакомую, неосязаемую до сего момента силу и энергию.

Командир представил себе, что они находятся внутри гигантского кораллового рифа, который был искусственно создан людьми для проведения одной бесконечной, не прекращающейся тусовки. Буйство красок и разнообразие форм ни в чем не уступали подводному царству.

Огромная витрина с цветами привлекла внимание, но не обилием букетов, которые были выставлены внутри нее, а двумя голопопыми подружками, стоявшими перед ней в обнимку и оживленно обсуждающими бутончики, расставленные дизайнером с действительно хорошим чувством вкуса и меры.

Через полторы сотни метров, когда наконец на глаза ему попались две пары молодых людей, которые были одеты в обычные футболки и джинсы, Татаринovu они показались необычными. Потом он невольно посмотрел на себя, одетого в клетчатую рубашку с короткими рукавами, в белые брюки, перехваченные коричневым ремнем, и в летние туфли, и с некоторым сожалением понял, что он тоже является представителем иной касты, не принадлежащей к этому коралловому рифу. На нем и его ребятах будто выбито: «Я гость! Я

не при делах!»

Следуя за майором, русские свернули, сразу же заметив падение освещенности. Далеко не во всех окнах домов второстепенной улицы горел свет. Гуляк было кратно меньше, и... тут было тихо. Эффект напоминал внезапное выключение света в квартире, когда вы смотрите футбольный матч. У вас яркие впечатления, вы насыщены, вы переживаете какую-то складывающуюся ситуацию, и тут все обрывается. Причем обрывается во всем доме. Становится слышно, как на улице хлопает дверь далекого подъезда или заводится двигатель стоящей машины.

Пройдя пару десятков метров, Татаринов даже оглянулся на ту феерию света, которую им пришлось оставить.

В тот самый момент, когда Брегг сообщил, что они почти уже пришли, из подворотни прямо на них выбежал небольшого роста пацан, который по волнообразной траектории стремительно начал перебегать через улицу.

Инстинктивным желанием Голицына было схватить пробежавшего паренька за руку, но он поборол в себе этот порыв. Во-первых, он в гостях, во-вторых, еще не понятно, что здесь происходит.

Следом из переулка выбежали еще двое и, смеясь, не обращая внимания на бьющие по тормозам машины, пробежали через улочку на другую сторону. Прежде чем вбежать в противоположную подворотню, один из троицы не справился с ориентацией в пространстве и ударился головой о стену

рядом с проходом, после чего рухнул на асфальт и заржал, как нездоровый конь.

Двое других стали шутливо лупить ногами товарища, чей «гироскоп» неожиданно отказал. При этом они размахивали руками и что-то громко орали. Татаринов вопросительно посмотрел на Брегга. Тот сказал только одно слово: «Пирожные».

– Пирожные? – не понял Татаринов.

– Неважно, – махнул рукой майор, – нам осталось пятьдесят метров.

Татаринов посмотрел в том направлении, которое указывал голландец, и увидел голубую неоновую квадратную вывеску с контуром птички внутри и идущую навстречу им невысокого роста девушку с ухоженной прической, в спортивном костюме...

Сильвия с утроенной энергией топала домой. Задержалась у подруги. Но так получилось – они заболтались. Главное, что она позвонила родителям и через пятнадцать минут уже должна быть дома. В этом районе всегдалюдно, и поэтому ей нечего бояться. Конечно, ходить в половине первого ночи по центру города, учитывая то, что у нее завтра снова школа и снова тренировка, наверное, не самое лучшее дело. Главное, думала она, чтобы ее тренер ничего не узнал о том, что она нарушает режим, ведь до соревнований осталось совсем чуть-чуть.

Она видела, что навстречу ей идет довольно большая

группа мужчин, одетых явно не по-местному. Много ли времени мы тратим на то, чтобы понять, кто идет нам навстречу? Как правило, это всего доли секунды, и главное, о чем мы волнуемся, – это просто о том, чтобы аккуратно разойтись с человеком... Больше никаких хлопот встречающиеся нам прохожие обычно не доставляют. Да, они могут быть иностранцами, они могут быть европейцами, азиатами или неграми, никто в нашем сумасшедшем мире не может ожидать, что вы вдруг ни с того ни с сего остановитесь, захотите познакомиться...

Ритм городской жизни, обилие народа и борьба за выживание не оставляют места для сантиментов, которые вполне возможны в деревенской местности.

«Все белые, красивые лица, наверное, русские», – почему-то подумала Сильвия и, уже пройдя мимо группы мужчин, которые вежливо посторонились, и услышав пару фраз, поняла, что это действительно русские...

Они не обратили на нее никакого внимания – ну и замечательно. Ей нужно пересечь освещенную огнями улицу впереди, пройти на другую сторону, на остановку, и проехать на автобусе буквально пятнадцать минут, после чего она будет дома. Она же не виновата, что ее подруга живет в центре.

Когда группа русских туристов осталась позади, кто-то неожиданно схватил ее за руку и потащил к подъехавшей внезапно машине.

Город – это стресс, город – это скопление большого коли-

чества людей, и все, кто живет в городе, постоянно готовы к тому, что может с ними произойти что-то неожиданное. Если вы не готовы к агрессии, резко выворачивающему в вашу сторону автомобилю, то вы, скорее всего, долго в городе не протянете. Вы просто не справитесь психологически. В мегаполисах ситуация еще более напряженная, еще более концентрированная. Наверное, поэтому мегаполисы и потребляют большое количество антидепрессантов, сигарет, алкоголя и наркотиков.

Сильвия почувствовала, что человек, который схватил ее, наверняка занимается спортом – он был очень силен. Мгновенно сообразив, что происходит что-то нехорошее, Сильвия попыталась освободиться и тут же, больше инстинктивно, нежели осознанно, закричала: «Помогите!» Причем заорала по-польски...

– Ротóс, ротóс! – кричала она, пытаясь вырваться из рук крепкого и коренастого мужчины.

А в это время перед глазами Голицына была грудь. Нет, не голая женская грудь, а грудь, одетая в пиджак и белую сорочку и принадлежащая весьма приятной, высокой женщине, блондинке из службы безопасности заведения, перед которым они стояли.

– Это что, вышибала, что ли? – с удовлетворением отметил Диденко, разглядывая высокую голландку. – Смотри, Голицын, у них баб уже в охрану набирают! А ты все про Израиль!

И в это время до ушей русских долетел крик Сильвии. Татаринов оглянулся и увидел, как здоровый детина запихивает маленькую девочку в машину. Расстояние между местом, где происходило похищение, и группой было не больше пятидесяти метров. Но тем не менее его еще нужно было преодолеть.

Голицын вопросительно посмотрел на командира, и тот кивнул.

Не стоит сравнивать, за какое время мог бы подготовленный спринтер преодолеть данную дистанцию. Да, Голицын был на одну-две секунды медленнее. Но надо учитывать его состояние и отсутствие низкого старта.

Диденко банально напутствовал своего товарища:

– Давай, давай!

Неожиданно для нападавшего Сильвия смогла оказать ему отчаянное сопротивление. Оттолкнувшись от порога кузова одной ногой, от багажника – другой, она смогла мгновенно оказаться на крыше автомобиля.

Напавший бугай не смог удержать ее руку, так как силы в ней ого-го, но он быстро оправился и в тот момент, когда она хотела прыгнуть на дорогу с другой стороны авто, успел схватить ее за ногу и дернул так, что она упала на крышу машины. Но кошки и в полете думают! Она, падая, умудрилась лягнуть мужика пяткой в лоб.

Несмотря на полученный удар, мужчина не отпускал девочку, но тех усилий, которые прикладывала Сильвия, ей

хватило для того, чтобы дать время Голицыну подбежать...

Увидев приближающегося случайного мужика, второй киднеппер – водитель – вылез из-за баранки и попытался оказать старшему лейтенанту сопротивление. Лучше бы он этого не делал, потому что через секунду уже собирал себя с отмытого заботливыми дворниками асфальта.

Заметив приближение угрозы, похититель перестал цацкаться с девчонкой, одним резким движением сдернул ее с крыши и бросил в салон автомобиля, после чего пошел навстречу Голицыну.

Увидев, что к одному на помощь бегут еще семеро, похититель сориентировался, сел на место водителя и ударил по газам, бросив своего товарища на произвол судьбы.

– Отличный удар, товарищ старший лейтенант, – зло прокомментировал Малыш. Мичман был в данную секунду тем самым обиженным клиентом, которому обещали подарок и не дали. Теперь за все будет отдуваться вот этот вот придурок с расквашенной мордой, которого Голицын приголубил практически на ходу.

Двухметровый военный нырлящик подошел к скорчившемуся белому человеку средней комплекции и разогнул его одним движением руки. После чего продолжавший утирать кровавые сопли похититель взмыл в воздух и был припечатан к кирпичной стене.

Ничего дальнейшего сделать Малышу не дали его товарищи, поскольку это грозило большими неприятностями. Хотя

и так уже у Татаринова зародилось ощущение, что они влезают в дерьмо...

Майор Брегг – да хранят местные боги его душу – сам начал общаться с задержанным мужчиной. Он о чем-то гневно спросил у того, после чего Татаринов и остальные могли разобрать только одно слово: «полиция».

Голицын попросил узнать, куда повезли девушку.

Для более качественного продолжения диалога Малыш потряс за шкуру неудачливого похитителя, и тот сознался, что их наняли за пять тысяч евро, предложили выполнить одно простое дело – схватить девчонку и привезти ее на завод.

– Какой завод? – уточнил Голицын, зло вглядываясь в перепуганные глаза.

Все, что понимал голландец, – это то, что перед ним человек, который может одним ударом послать в нокаут...

– Поехали на завод! – предложил Малыш, глядя на Татаринова.

Тот вежливо поинтересовался у майора Брегга, что произойдет, если они дождутся полицию.

– Придется давать показания, – размеренно и нечетко изза принятого на грудь ответил ему голландец.

Татаринов согласно кивнул:

– Тогда едем на завод. Все равно тут в вашем Амстердаме больше не хрена делать. Хоть девчонке поможем.

Брегг неожиданно согласился.

Поймав три желтые машины, русские отправились вместе с плененным мужиком выручать неизвестную им пленницу.

Таксист, к которому в машину забились Голицын, Диденко и Док, понял только одно: что едет с русскими на какую-то пьянку. Видимо, их нужно как можно быстрее туда доставить, потому что они просили не отставать от впереди идущей машины и предлагали ему постоянно давить на газ.

– All will be good, all will be good, – только повторял водитель, пытаясь успокоить своих пассажиров.

Арендованная колонна мчалась по улицам Амстердама и вскоре, оставив позади ночной город, выехала на автобан и полетела в направлении, которое знал только захваченный ими похититель.

Начальство, вместе с голландцем и захваченным мужиком, ехало в первой машине...

Никто не сомневался, что человек с разбитым лицом способен на вранье. Для острастки Татаринов время от времени приобнимал ценного информатора, дабы тот не утрачивал такое важное человеческое качество, как кристальная честность.

Диденко смотрел в окно на остающиеся вдалеке огни порта, на огни скромных небоскребов и нескромных старых зданий и поделился с остальными мыслью о том, что, похоже, с профессионалками они пролетели...

– Погоди, еще вся ночь впереди, – успокаивал его Голицын. – Сейчас девчонку вернем и поедем дальше отдыхать.

– Мы же ведь уже почти зашли, – жалел Диденко. – Мы должны были остаться там... – Помолчав немного, он вспомнил, что как-то, будучи еще совсем молодым, гуляя по району, стал свидетелем такой же ситуации. Но там девчонки, которых хватали и сажали в подъехавшую тонированную девятку, не отбивались, а, наоборот, хохотали и при этом успевали осыпать своих похитителей легкими пощечинами. Если там все было по любви, то в этом случае – наоборот.

Машины неслись по трассе, счетчик отсчитывал денежку, и Голицын уже начинал подумывать о том, что хорошо бы этот завод был бы не на юге Италии. Иначе они покатаются по Европе на несколько зарплат за одну ночь. Но опасениям его не суждено было сбыться. Через несколько километров машины свернули с трассы.

Дорога стала намного уже, но пока освещения фонарей хватало, чтобы рассмотреть дома, стоящие по обе стороны от нее, и не ощущать себя, как это бывает в России, брошенным посреди бескрайнего и необустроенного пространства.

Мужика, который сидел между Татариновым и майором Брегом, звали Йохан.

– Ну, ты, Йохан, и сука! – так, для проформы, высказывался иногда капитан второго ранга, прекрасно понимая, что смысл этой фразы все равно не дойдет ни до Брега, ни до неудачливого похитителя.

Когда до места оставалось менее километра, Татаринов попросил водителя остановиться.

– Пусть таксист подождет, – поделился соображениями с голландцем Татаринов.

Когда Йохан ткнул в отдельно стоящее длинное здание, обнесенное со всех сторон сеткой-рабицей, ему сказали «данке» и, завязав руки сзади его шнурком от кроссовок, оставили на попечении Дока и голландца, которым не нужно было идти дальше.

– Закрыто, – прокомментировал Малыш, разглядывая цепь, переброшенную через створки ворот и замок на ней.

– Людей не видно, – согласился командир.

– Может, поискать где-то проход? – предложил Голицын.

– Что искать? – не согласился Марконя. – Вон сейчас Малыш меня перебросит через преграду, потом всех остальных, а потом и сам перелезет. Да, Малыш?

– Да, – вяло согласился двухметровый, пока остальные продолжали глядеть по сторонам, в надежде найти какую-нибудь бочку, ящик, что помогло бы перелезть через забор.

Они достаточно поздно заметили, как из тени к ним вышел человек – небольшого роста плотный брюнет в синей футболке с надписью на груди и в джинсах. Человек достаточно плавно, спасибо ему за это, вывел из-за спины руку, в которой все желающие смогли увидеть пистолет.

Подойдя к металлическим воротам, он безразличным взглядом посмотрел на подошедших к огороженной территории мужиков и посоветовал им на своем родном валить отсюда, пока мозги на месте.

– Кто-нибудь понял, что он сказал? – спросил Голицын.

Не услышав положительного ответа, он с улыбкой подошел вплотную к сетке, через которую начал на чисто русском языке объяснять «сторожу», что у них была экскурсия, что они русские туристы и заблудились. Им бы нужно узнать, где ближайшая остановка автобуса или как они могут вызвать такси.

В мозгу у примата-охранника пошел некий электрохимический процесс, в результате которого он убрал оружие обратно в кобуру, оказывается висевшую на бедре, и более флегматично но в то же время с неумещающимся подозрением, переспросил единственное слово, которое он понял из речевого потока старшего лейтенанта:

– Такси?

– Ага, – согласился, кивнув, старший лейтенант.

Брюнет без труда перешел на английский, спросил, есть ли у кого-нибудь телефон. Телефон у Голицына был, и он просунул его сквозь ячейки сетки и отдал охраннику.

Тот кивнул, забрал аппарат, достал свой и перебил цифры из своего телефона в телефон Голицына, после чего отдал аппарат обратно и сказал одно-единственное слово: «Такси».

– Спасибо, – ответил Голицын и посмотрел за спину охранника.

Тот резко обернулся, но было поздно: Марконя появился из темноты и приставил к шее бедолаги расческу. А чего? Больше ничего нет!

– Донт мув, – сказал Марконя, надавливая пластмассой на шею, вызывая тем самым в теле охранника непроизвольную легкую дрожь.

Спецназовец аккуратно вынул из кобуры охранника пистолет и засунул его себе за ремень, бесцеремонно отстегнул карабин с ключами, который висел у того на поясе, и, продолжая давить расческой на шею и подталкивая бедолагу сзади, подошел к цепи с замком на воротах и остановился в нерешительности, так как, если бы он попытался сейчас открывать замок, ему пришлось бы потерять контроль над сторожем.

Тьфу, контузия-гидравлика! Снова надо было лезть за пистолетом, пусть открывает под стволом.

Тот, к кому Марконя подошел со спины и захватил его врасплох, полным дураком не был. Человек, почувствовав, что некто невидимый, контролирующий его, застопорился в размышлениях, сделал шаг в сторону, одновременно блокируя руку, которая не должна была давить ему больше на шею, ловко вывернулся и зашел за спину Маркони. Татаринов и до посещения Нидерландов знал, что в Голландии все хорошо с дзюдо и джиу-джитсу. Однако, когда тебе это демонстрируют, а ты стоишь с противоположной стороны сетки, не зная, что предпринять и чувствуя собственное бессилие, выглядит данное представление обескураживающе. Уж кого-кого, а обмануть Марконю – это нужно постараться. Капитан-лейтенант не дал охраннику вновь завладеть оружием.

Но тем не менее голландцу удалось нанести несколько ударов в район спины и шеи. Если бы капитан-лейтенант не обладал навыками сопротивления, то, наверное бы, его голова сейчас треснула от нескольких резких и концентрированных ударов.

Не сговариваясь, бойцы перебросили на другую сторону забора Малыша, который, не дожидаясь окончания разборок – Марконя еще пристрелит этого сторожа на фиг, – подошел сзади и кулаком двинул по башке голландцу, после чего бедняга пролетел пару метров и затих в маленьких кустиках.

– Отлично! – согласился Голицын. – Я бы тоже так смог.

В это время Марконя глядел виноватым взглядом на своих товарищей, поскольку прозевал контратаку и позволил навязать себе полноценный бой. Когда они сняли замок и вошли на территорию, Татаринов, похлопав Марконю по плечу, сообщил ему, что тому придется очень много заниматься рукопашным боем...

Оглушенного охранника заботливо посадили у стены длинного цеха, приковав его же наручниками к какой-то трубе – то ли к газовой, то ли к водопроводной, – чтобы он не вздумал никуда бежать.

Несмотря на злую сущность бандитов, которых они преследовали, Татаринов не был готов к тому, чтобы развязывать тут полномасштабную войну.

Под тихо тлеющими в ночи фонарями группа нестройной колонной продвигалась в сторону больших металлических

ворот то ли завода, то ли фабрики, то ли склада.

Надо сказать, что к моменту подготовки импровизированного штурма на многих накатила усталость и одновременно с этим алкоголь в какой-то мере блокировал реакцию и чувство самосохранения...

Когда они подошли к воротам, Татаринوف показал на калитку, встроенную в них, и потом ткнул в Голицына, давая ему возможность войти первым. Когда Поручик подошел к преграде, он увидел, что с обратной стороны проникают лучики света – значит, там кто-то есть!

Голицын рывком раскрыл металлическую калитку, которая без скрипа отошла в сторону. Когда он вломился внутрь, то увидел, что за металлическим верстаком при свете лампы, которая свешивалась с потолка, сидят три человека и натурально играют в карты.

– Здравствуйте, – поздоровался старший лейтенант на хорошем русском, не ожидая, что его сразу поймут. Не останавливаясь у порога, он побежал вглубь, к столу, в то время как за его спиной продолжали появляться русские из команды Татаринова.

Троица побросала карты и повскакивала со своих мест, вытаскивая стволы.

Когда мимо Голицына справа на высоте примерно метр восемьдесят пролетел Диденко с вытянутой вперед ногой, старший лейтенант почему-то не удивился. Главное сейчас было не позволить направить на себя оружие, что специа-

зовцы могли делать достаточно быстро и эффективно. Самому юркому из троих удалось откатиться от металлического верстака в сторону и направить оружие на стремительно приближающихся к ним, а точнее говоря, просто летящих по воздуху русских.

Голицын оказался ближе остальных к самому проворному бандюгану и вынужден был пару раз дернуться из стороны в сторону, не давая последнему прицелиться как следует, и уже, сократив расстояние до минимума, оглушил его ударом колена в голову. Незадачливый стрелок отключился мгновенно.

Поскольку никто не имел представления о количестве людей, с которым им придется столкнуться, Татарин и компания действовали быстро. Скрутив троих любителей поиграть среди ночи, они забрали у них оружие и постарались как можно быстрее зачистить все здание и подавить возможные точки сопротивления.

Ангар представлял собой достаточно большое, но заброшенное сооружение. По периметру стояли остовы старых разобранных станков. Бетонный пол во многих местах имел большие вмятины и был очень сильно зашаркан и поврежден. Какие-то коробки и металлические контейнеры, накрытые брезентом, скрывались в темноте.

Поиск электрического щитка и найдя его, Диденко стал включать рубильники один за другим, освещая огромный цех.

Ожидая более серьезного сопротивления в любую секунду, спецназовцы разбились на две группы и продвигались быстро и почти бесшумно.

Когда Малыш влетел в бухту с кабелем и запутался в ней, последовало наивное:

– От, млять!

А потом снова тишина, шуршание ног и развитие атаки.

Продвигаясь между станками и сжимая в руках трофейный револьвер тридцать второго калибра, Голицын просматривал все проходы, а параллельно ему с другой стороны, чуть отставая, то же самое делали его коллеги. Дальше, посередине, было расположено огороженное пространство, внутри которого за большими стеклами находилось, видимо, административное помещение.

Квадратная каморка, отделенная перегородками от станков, размерами примерно пять на пять метров, продолжала находиться в темноте, несмотря на вздернутые рубильники электрического щитка. Видимо, еще один выключатель был расположен внутри. Оставлять за собой неосмотренный участок было абсолютно неверным, и поэтому спецназовцы с двух сторон подошли к стекляшке.

Голицын с Диденко, подкравшись к двери и присев, решали, кто из них пойдет первым. Снова выпало Голицыну. Не успел старший лейтенант дернуть на себя дверь и оценить ситуацию, изнутри раздался детский голос: «Help!»

После чего он сменился плачем.

– Help, Help!¹ – присоединились к нему и другие.

Старлей осторожно заглянул внутрь и увидел пятерых маленьких детей.

Он прошел вперед, а вошедший за ним Диденко нашел выключатель. После того как лампы дневного света, погудев, зажглись, спецназовцы смогли увидеть пленников.

Татаринов, вошедший последним, почувствовал, как в душе просыпается пролетарская ненависть. Сейчас у него было одно-единственное желание: освободить детей, прикованных к стульям наручниками, и передать в руки местной полиции.

Голицын с удовлетворением увидел среди маленьких заложников девушку, ради которой они и рванули из города в промзону. Сильвия сидела, поблескивая путами, рядом с небольшим кожаным диваном. Подумав, старший лейтенант выдал детям фразу:

– Will be OK!²

Кроме девушки, которая ловко пыталась выкрутиться из рук похитителей, было четыре пацана абсолютно разного возраста и вида: двое маленьких, лет восьми, были сильно напуганы и сейчас сидели с мокрыми глазами, похныкивая. Одному было двенадцать или тринадцать, и он уже сохранял что-то наподобие спокойствия, хотя на самом деле просто не до конца понимал, что с ним происходит. Был и еще один,

¹ Помогите! (англ.)

² Будет хорошо! (англ.)

сидящий в углу за шкафом, парень, которому было уже лет семнадцать, наверное. Он был очень худой, с белыми волосами, голубыми глазами, из одежды на нем были шорты цвета хаки и драная футболка апельсинового цвета. Обе его руки, от запястья до локтя, были, как это выяснилось, когда его освободил Диденко, зататуированы готическими крестами, которые были расположены так, что составляли в совокупности некий бесконечный лабиринт.

«Молодежь!» – подумал про себя Голицын.

Когда он освободил девочку, та по-русски сказала ему:

– Спасибо!

Татаринов и остальные были приятно удивлены.

Русскому не надо быть полиглотом, чтобы понять, что перед ним поляк или полька, как в данном случае.

– Как зовут?

– Сильвия.

– Круто!

Они освободили голландца, того самого, который был весь зататуирован, одного цыгана действительно двенадцати лет от роду и двоих мальчишек помладше, один из которых был турком, а второй – венгром.

Не теряя бдительности, спецназовцы обшарили весь завод и, не найдя больше никого, сообщили оставшемуся за периметром майору Бреггу о том, что ситуация у них под контролем.

Общаясь с Сильвией, поскольку с другими детьми невоз-

можно было разговаривать – они были напуганы, не знали английского, – Татаринов выяснил, что их не били, давали поесть и периодически выводили в туалет.

Сама же Сильвия до конца не смогла еще понять, что же случилось, поскольку времени с момента похищения прошло не более полутора часов.

Пока ждали приезда полиции, один из двух восьмилеток неожиданно сделал признание.

– Я русский... – сказал он тихо. Это тот, про которого Сильвия говорила, что он турок.

– Ничего себе?! – удивился Татаринов и подсел к малышу, который оставался на том же стуле, к которому его недавно приковывали наручниками. – А почему ты сразу не сказал?

– И он тоже русский, – ткнул во второго мальчишку по соседству бывший турок.

Татаринов посмотрел на второго мальчика.

– Да, я русский! – согласился он с другом по несчастью.

– Так почему вы не признались сразу? – спокойно спросил капитан второго ранга, поглядывая то на одного, то на другого.

– С нами был еще один мальчик, постарше. Когда узнали, что он русский, то бандиты забрали его в первую очередь, мы его больше не видели, поэтому решили не говорить, что мы русские.

– Сколько вы здесь находитесь?

– Пять дней...

– Есть хотите?

– Да.

Диденко, стоя за спиной Татарина, спросил:

– Что здесь за херня происходит?

– Старший мичман, – одернул его командир, – следите за словами!

– Виноват, исправлюсь! – согласился Диденко и решил выйти из стекляшки, подумать над тем, кому бы из тех четверых – четвертого привели с улицы – набить морду, что называется, достучаться до их внутреннего содержимого в виде почек, печени и сердца. Глядишь, наладится взаимопонимание и они очень быстро расскажут, кто они и откуда.

Диденко подошел к верстаку, за которым сидели четверо бандитов с завязанными сзади руками. По сути, все ждали полиции, приехать она должна была не позже чем через десять минут, по словам майора Брегга, но тем не менее этого времени было предостаточно, чтобы вытащить из них какую-то полезную информацию.

После того как старший мичман услышал из уст детей русскую речь, он не собирался действовать дипломатическими методами. Выбрав самого здорового, он, не обращая внимания на протестные жесты и фразы со стороны майора Брегга, врезал тому прямо с ходу в челюсть. От полученного удара человек вместе со стулом рухнул на пол.

– Nein! – закричал майор Брегг.

– Ни хрена не nein! – не соглашался с ним Диденко, воз-

вращая рывком в сидячее положение достаточно массивную тушу. – Чем ты тут занимаешься, сука?! – заорал он в лицо пленному бандиту и свирепо уставился в его черные и расширенные от ужаса глаза.

– Сейчас приедет полиция! – продолжал ныть по-английски за спиной майор.

– Я тебя, млять, сейчас научу Россию-матушку любить! – проговорил Диденко и в этот раз уже залепил в торец, делая нос человека в два раза толще.

Услышав шум и грохот, из стекляшки показался Татариннов:

– Старший мичман, отставить!!! – В это время человек вместе со стулом, к которому он был привязан, летел к станкам. По цеху разнесся грохот, после которого последовала матерная тирада из уст Диденко.

Он не стал возвращать пленного в сидячее положение, оставив того лежать вместе со стулом на бетонном полу.

После того как приехала полиция и спецназовцам сообщили о том, что им нужно проехать в участок, послышались недовольные вздохи и комментарии, которые пришлось Татаринову подавить в зародыше, иначе бы бунта не избежать. Не хватало еще столкновения с властями.

Уже в три часа ночи в Амстердаме, в полицейском участке, Татаринов сидел напротив следователя, которого звали Альфред Галинкаф, курил сигарету и объяснял ситуацию, рассказывал все начиная с того момента, как они увидели на

улице похищение Сильвии.

Следователь внимательно слушал его, делал какие-то пометки в блокноте, но, как казалось Татарину, не проявлял особого интереса к свидетельским показаниям. Через какое-то время на столе следователя зазвонил телефон, и, переговорив, тот сообщил, что вся русская группа может быть свободна и никаких дополнительных действий в отношении их персон совершаться не будет.

– А что будет с детьми? – поинтересовался Татарин.

– Их пока будут содержать здесь. Установим личности, потом свяжемся с родителями.

Татарин пожал Галинкафу руку и вместе со своими товарищами отбыл на базу, поскольку продолжать гулять и развлекаться сил и настроения уже ни у кого не имелось.

* * *

Когда яхта российского олигарха, постоянно живущего в Лондоне, вошла в акваторию порта Амстердама, Голицын уже был в воде вместе со своими соратниками, для того чтобы не дать возможности каким-либо диверсантам или террористам подойти к днищу яхты со стороны моря. Они должны исключить любые диверсии и любые провокации. Работать предстояло по три человека, и благодаря тому оборудованию, которое у них имелось, они могли отслеживать движение в воде на полторы сотни метров, чего было достаточно,

чтобы своевременно отреагировать. Единственное, что они не могли остановить, – это управляемый снаряд или управляемую торпеду, которую могли выпустить с достаточно значительного расстояния. Но эти задачи уже решали моряки НАТО, которые находились в нескольких сотнях метров от берега, блокируя любые подходы к акватории порта. Находясь под водой в специальном гидрокостюме, снабженном системой замкнутого дыхания, Голицын смотрел в толщу воды и слушал сигналы со стороны прибора слежения... По местному времени – одиннадцать утра, и сейчас должна была начаться большая предварительная конференция, на которой все лауреаты премии будут отвечать на вопросы журналистов.

Еще один из богатейших людей России опаздывал, и его яхта пока не прибыла в порт, но ее ждали. И когда спустя полчаса после того, как началась его смена, Голицын услышал информацию о приближении второго судна, он подумал о том, что все обстоятельства и события вошли в необходимый график.

Он отплыл в сторону и нырнул еще глубже.

Знают ли те, кто находится сейчас на борту, что под водой плывет живой человек? Наверное, нет.

Ну и ладно, согласился сам с собою Поручик, поскольку для большей безопасности на самом деле чем меньше знают дилетанты о том, как работает служба, тем лучше.

За следующие три дня никто из группы Татаринова не ви-

дел ни шикарных приемов, ни банкетов, никто из них не целовал ручку королеве Софи, не обсуждал последние новости света и политики на торжественных приемах, устраиваемых различными дипломатами и посольствами.

Их работа была простой и изматывающей одновременно. Как выяснилось, местная служба безопасности просчиталась и не успевала закрывать все бреши в акватории порта имеющимися силами, поэтому приходилось спать всего по шесть часов в сутки, чего было крайне мало, и неизбежная усталость и раздражение потихоньку накапливались.

Надо было видеть уставшие глаза Голицына сквозь маску, когда он провожал глазами отчаливающие от причала шикарные яхты. Он никогда не видел этих людей вживую, да и, собственно, не хотел этого делать. Главное, что никто из русских гостей не пострадал во время визита, а значит, задача выполнена.

Уже вечером, показавшись из воды, взобравшись на борт служебного катера и снимая с себя гидрокостюм, Голицын захотел оказаться снова в том самом баре, где голые девчонки ловко машут ногами и лазают по блестящим шестам. Где над столиками нет яркого света и постоянно играет музыка и можно спокойно посидеть и попить пивка.

Разоблачась, Голицын бросил взгляд на старшего мичмана Диденко, который успел отработать свою смену перед ним. Мужчины переглянулись, во взгляде было только одно: «Как это все задолбало».

Командира долго не пришлось уговаривать, и после будней службы вся компания отправилась в уже знакомый бар, захватив с собой майора Брегга, который был тоже за.

Татаринов, сидя за небольшим столиком рядом с голландским офицером, успел слегка насладиться виски и смотрел на очередное выступление девочки, которая была одета в ковбойский стетсон и одну подвязку белого цвета на округлой и плотной левой ножке. От лифчика и трусиков она избавилась две минуты назад, и теперь это было действительно тем самым зрелищем, за которым Татаринов и его люди пришли в уютный и не заполненный народом бар.

– Красивая, – сказал Татаринов своему зарубежному коллеге, и тот довольно улыбнулся.

Высокая блондинка ритмично двигалась на высоких каблуках в такт музыке и при этом еще успевала заводить собравшихся около сцены мужчин, собирая с них дань в виде денежных купюр, которые после того, как она полностью избавилась от остатков одежды, очень быстро наполняли подвязку на ее бедре. Когда за резинкой практически не осталось места, девица, чьи волосы были забраны в тугую косу, бросила на пол шляпу, а сама взлетела вверх по шесту, демонстрируя окружившим ее самцам всю себя без остатка. Когда актриса, или артистка, или, может быть, даже акробатка сделала шпагат вниз головой, разведя ноги в стороны максимально широко, Татаринов вместе с Бреггом замерли на несколько секунд.

– Ух ты! – выдохнул Кэп. – Шэрон Стоун такое и не снилось!

– Шэрон Стоун? – переспросил Брегг. – Господин капитан второго ранга, вы смотрите достаточно старые фильмы.

– Что поделатъ, возраст, – согласился Татаринoв. – Этой девчущке, наверное, лет двадцать, и как мама ее отпускает?

– У нас тут более свободное воспитание, – ответил Брегг и разлил по стопкам еще по чуть-чуть.

В планы Татаринoва не входило накачиваться, но он с удовольствием поддержал своего голландского коллегу. После того как они выпили, майор посмотрел на Татаринoва как-то уж слишком серьезно и пристально, после чего сообщил о желании их руководства подключить людей Татаринoва к охране нескольких лекций лауреатов премии, которые будут проходить завтра в разных частях города.

Татаринoв от услышанного не испытал восторга, а уж как обрадуются его люди... особенно Диденко. Брегг дружески похлопал Татаринoва по плечу и разлил снова.

В это время девочка, собрав свой урожай, раскланялась, и ее место заняла другая, показывая танец живота.

«Интересно!» – подумал Татаринoв, слышав восточную мелодию, и уставился на сцену.

* * *

Они уже почти три недели торчали в Голландии, и мно-

гим хотелось обратно домой. Усталость чувствовалась: руки-ноги гнулись плохо, хотелось как минимум отоспаться. Но с утра Татаринов провел небольшое совещание, на котором доложил своим подчиненным о необходимости поработать еще один день.

Голицыну и Диденко предстояло принять участие в охране мероприятия с участием заместителя министра иностранных дел России Кокарева. Всего-то нужно было стоять на входе в зал и смотреть за тем, чтобы никто не попытался какими-либо противоправными действиями помешать выступлению высокопоставленного политика. Лекция по времени не более двух часов, а поэтому изначально принимаемые на себя муки не выглядели слишком уж тяжелыми.

Спецназовцы сели в предоставленную им служебную машину и укатили в местный университет, где и должен был выступать русский лауреат.

Высокое и современное здание из серо-зеленого стекла встретило спецназовцев студенческой суетой. Им потребовалась помощь водителя, который привез их, чтобы они смогли найти старшего, кто занимался охраной выступавших.

По людям было видно, что они не так напряжены, как в первые дни. Многие важные персоны, которые приезжали буквально на день, отбыли по своим делам, а лекции обладателей премий не казались уже какими-то значительными и бесконечно важными событиями.

Скорее, это просто пиар, просто высказывание своей точ-

ки зрения на проблемы и вопросы, и более благодарной и заинтересованной аудитории, чем студенты, не найти. Очень многие видные политики, очень многие бизнесмены любят выступать именно перед студентами. Острое восприятие, молодой задор в мыслях...

Невысокий человек в штатском, облаченный в серый костюм, в серую рубашку и серый галстук – надо же, и такое бывает! – встретил русских теплым рукопожатием и дежурной улыбкой. По его широкому лицу, высокому лбу и волевому выражению лица можно было предположить, что задача не так проста, как кажется на первый взгляд... Голицын с удовлетворением отметил, что человек обладает наверняка недюжинной физической силой, а все его движения властны и уверенны.

Приятно работать с профессионалами.

Поднимаясь по лестницам, пробиваясь через толпы молодежи, русские вместе со старшим поднялись на третий этаж в большую аудиторию. Пока они качали квадрицепсы, топая по внутренней архитектуре стеклянно-бетонной конструкции, Голицын и Диденко узнали, что местным не хватает людей, так как все силы распылены на множество объектов.

Голицын говорил лишь себе и лишь про себя, что они вообще-то занимаются другими вещами и он хотел бы посмотреть на того придурка, который военных ныряльщиков отправил на роль секьюрити. Но, видимо, решили, что поскольку заместитель министра русский, то неплохо было бы

иметь в составе охраны мероприятия людей, которые свободно владеют родным языком лауреата.

Голицыну предстояло находиться внутри аудитории, а Диденко – снаружи, чтобы страховать службу безопасности, которая смогла выделить на все мероприятие еще четырех человек.

Ну что такого, в самом деле: придет триста человек студентов, послушают и разойдутся. Голландец указал пути отхода, основной и резервный, и, убедившись, что русские все поняли, оставил их на месте.

До начала мероприятия оставалось не более получаса. Во время предварительного инструктажа им показали фотографию заместителя министра...

По лестнице на третий этаж легко взбежал худой высокий брюнет в больших очках и прошел внутрь аудитории в сопровождении старшего охраны и еще двух женщин, видимо, представляющих принимающую сторону, которые всеми своим жестами показывали, что именно они-то и являются дирижерами данного мероприятия.

Зал был заполнен процентов на семьдесят. Но сразу же после появления брюнета в очках стали достаточно быстро подходить еще люди, после чего вся аудитория была заполнена до отказа.

«Нагнали», – подумал старший лейтенант, разглядывая выражения лиц студентов, которым было, в большинстве своем, вряд ли интересно, что там будет лопотать этот му-

жик. Но где же наш родной Кокарев?

Голицын по связи быстро выяснил, что сначала студенты послушают лекцию доктора Пинту из Государства Исландия. Это там, где Рейкьявик, селедка и термальные воды. Так вот, из этой самой страны на конференцию, на вручение премии, приехал высокий, сухой и несколько, как показалось Голицыну, нервный, с немного воспаленным взглядом ученый.

Сам докладчик начал свою речь на английском языке, что несколько упрощало восприятие. Поскольку старший лейтенант не имел особых навыков в охране персон, он, конечно, следил за залом, но в то же время полностью отключиться от речи докладчика у него не получалось. Потом ему самому было интересно, за что же королева Нидерландов вручает по сто тысяч евро – хоть узнать, а то просидишь под водой, как жаба, ничего для себя полезного и не вынесешь.

Голос лауреата оказался неожиданно низким и скрипучим. Он наверняка был испорчен бесконечным количеством сигарет...

Гость вежливо поздоровался с аудиторией, отпустил легкое замечание о погоде, после чего принялся интенсивно демонстрировать различные слайды и вписывать в полупустые пока головки необычную для них информацию.

Так как Поручик стоял на верхотуре у самой двери, а ступени шли сверху вниз к кафедре, он мог видеть сверху практически весь зал.

Как понял старший лейтенант, доктор Пинту занимался изготовлением лекарств, которые должны были помогать восстановить людям собственную иммунную систему. Какие-то пункты, тезисы, потом пошли химические формулы. По тишине, которая была в аудитории, и по напряжению, витавшему между докладчиком и слушателями, Голицын догадался, что перед ним студенты медицинского факультета. А кому еще была интересна вся эта тарабарщина?

Рядом с Голицыным на расстоянии вытянутой руки сидел молодой человек с длинными волосами, цвет которых можно описать как цвет осенних кленовых листьев. При этом волосы нельзя было назвать хорошо расчесанными и уложенными, скорее наоборот. И мыл их он, видимо, недели две назад. Тем не менее длинный хейер не мешал ему воткнуть в одно ухо наушник, трясти ногой и одновременно с этим слушать докладчика и делать какие-то пометки у себя в тетради. Много дел сразу, прямо как Юлий Цезарь! И слушает, и пишет, и запоминает – молодец мальчик. Рядом с огненно-рыжим волосатиком сидела аккуратная девочка, обладательница белого ухоженного каре, вся такая маленькая, тоненькая куколка-картинка.

Голицыну стало интересно, знаком конь-огонь с соседкой или нет. И когда при появлении очередного слайда они начали общаться друг с другом, Голицын подумал, что да, противоположности притягиваются. Невольно он сам перевел взгляд на экран, который демонстрировал докладчик, и

увидел момент некой операции, показывалось на теле пациента место разреза, дальше пошла таблица, видимо с какими-то анализами. И Голицын снова переключил свое внимание на сидящую рядом с ним парочку, которая продолжала ворковать. Тут волосатик уверенно, не прекращая трясти ногой, головой, писать за докладчиком, достаточно плавно и уверенно свободной рукой взял соседку за грудь и, видимо, несильно сжал, потому что в последующий момент получил удар локтем в ребро.

Здорово! Так держать!

Голицын мельком взглянул на переключившийся слайд и потом снова вернулся к парочке, поскольку это было наблюдать намного интереснее. Вдруг в его голове что-то щелкнуло, и он был вынужден еще раз посмотреть на экран. На операционном столе лежало тело молодого человека, из соображений гуманности голова в слайд не вошла: врачи – они же все гуманисты. Голицын не поверил своим глазам и включил все свое знание языка для того, чтобы понять, о чем шла речь.

Доктором Пинту этому пациенту была сделана пересадка печени, и сейчас он чувствовал себя прекрасно благодаря его препаратам. Голицын, слушая данную информацию, поверил бы во все происходящее, если бы не руки этого самого пациента, которые были по локоть зататуированы готическими крестами, сходящимися в один-единственный лабиринт. Рисунок вытаскивал из памяти воспоминания о поездке за

город, на один из заброшенных заводов, где они нашли в плену детей.

Не запомнить эти раскрашенные руки невозможно. Перепутать невозможно. Забыть невозможно.

Тем временем слайд мелькнул и сменился следующим, а старлей застыл и тупо смотрел на доктора Пинту, который своим глубоким баритоном продолжал информировать аудиторию. Волосатик снова лапал свою подружку, но та уже не вырывалась, наверное, потому, что не сильно сжимал. Голицын же не видел ничего перед собой, незаметно погрузившись в какой-то поспешный нелогичный анализ происходящего.

Мальчишка был здоров, он не был желтым – зачем ему пересадка печени? Почему их держали посреди завода? Если это пациенты, почему их необходимо было приковывать наручниками? Прошло всего две недели. Они оставили детей на попечении полиции. Как вообще такое возможно, что лауреат премии приезжает и демонстрирует слайды, на которых, по сути, выпотрошенный человек, и заявляет о том, что была сделана пересадка печени и что пациент чувствует себя прекрасно?

Старший лейтенант оглянулся, посмотрел на закрытую дверь – с другой стороны должен был стоять старший мичман Диденко. Он просто хотел кого-нибудь призвать в свидетели того, что он сейчас видел, но никаких свидетелей у него не было. Он был один, несмотря на всю эту толпу. По-

тому что толпе было абсолютно безразлично, какое там тело лежало на столе и действительно ли с этим пациентом все в порядке. Ведь студенты воспринимали данный доклад как теоретическую основу, как демонстрацию усилий доктора по нахождению каких-то чудодейственных препаратов.

Выступление заместителя министра иностранных дел Голицын помнил плохо. Он на автомате смотрел за залом, который поменялся по своему составу. Теперь вместо медиков лауреата слушали студенты какого-то другого факультета. У старшего лейтенанта не выходила из головы фотография, где на цинковом столе лежало тело парнишки, которого он видел всего две недели назад.

К вечеру, находясь в расположении военной базы, где они были расквартированы, Голицын отозвал в сторону Татаринова. Командир выслушал своего подчиненного, переспросил после паузы, но Голицын уверял, что он не мог перепутать, обладателей двух таких одинаковых татуировок вряд ли можно сыскать по всей Европе.

– Хорошо, – согласился Татаринов. – Если есть такой факт, то мы, наверное, должны сообщить об этом местной полиции.

– А что же стало с теми двумя русскими мальчиками? – спросил Голицын, глядя на Татаринова.

Как не хотелось Кэпу послать все к чертям, он согласился сделать повторный заход в полицейский участок.

Спустя час российский офицер сидел напротив голланд-

ского следователя.

Они снова курили, и снова без особого рвения Галинкаф слушал свидетеля, делая вид, что записывает показания.

– Это слишком серьезное обвинение. Доктор Пинту является персональным гостем королевы Софи. Мы не можем просто так вот взять и арестовать заслуженного человека, и уж тем более допрашивать его без наличия каких-либо доказательств. А то, что видел ваш подчиненный... могло и показаться, да мало ли делают таких татуировок.

– Так чего проще: запросите слайды у доктора, – сказал Татаринов.

Следователь сделал последнюю затяжку и, откинувшись в кресле, посмотрел на офицера с какой-то мольбой в глазах: мол, ну что вам, русским, здесь нужно? Одурели от службы?

Тем временем Татаринов стал выпытывать у следователя про судьбу двух русских мальчиков, которых они также освободили.

– Их пока направили в специальное учреждение, – успокоил Галинкаф. – Как только будут установлены личности родителей, мальчиков вернут в семьи.

– Но уже прошло две недели! – напомнил Татаринов.

– Так я вам и говорю, что с ними все в порядке. Наши службы ими занимаются.

– А можно узнать, где они находятся сейчас?

Галинкаф покачал головой и сделал пометку в блокноте.

– Персонально для вас, господин Татаринов, я сообщу всю

имеющуюся у нас информацию завтра до двенадцати дня. Сможете подождать?

– Смогу, – с легкостью согласился Татаринев, припоминая, что в час дня у них уже самолет, который должен их доставить на родную базу, и все их приключения в Голландии, судя по всему, закончатся.

Но для себя Татаринев составил одно очень четкое мнение: он не оставит в покое Галинкафа до тех пор, пока не выяснит судьбу этих детей, так как он был склонен доверять Голицыну больше, чем всей этой конторе. Он сам видел татуировки и был согласен со старшим лейтенантом, что парнишка не был похож на человека, которому нужна была пересадка печени.

Когда Татаринев вернулся в расположение военного городка, то узнал от старшего мичмана Диденко, что соседи по этажу – турки – уже съехали, в связи с чем был задан вопрос об их перемещении на просторы необъятной Родины.

– Завтра в час, – сухо ответил Татаринев и, вытащив из кубрика Голицына, пошел с ним снова общаться тет-а-тет.

– Что-то юлит Галинкаф, – согласился со старшим лейтенантом Татаринев. – Ни так, ни эдак не хочет посвящать меня в их местные дела. По роже вижу, что он что-то знает, но говорить нам не хочет. Ладно. Давно турки съехали?

– Да всего часа полтора прошло.

– Ага, – согласился Татаринев и снова вернулся к теме: – Старлей, ты уверен в том, что видел?

– Вероятность, что я ошибся, крайне мала.

– Ладно-ладно, завтра посмотрим, – согласился Кэп и велел отправляться на ужин.

Дальше предполагался сбор вещей и упаковывание оборудования, чтобы завтра с утра они уже были передислоцированы на военный аэродром...

Военная база, где была расквартирована группа Татаринова, находилась за городом, недалеко от побережья. Воздух здесь был свежим, а место тихим, и казалось, что не нужна здесь ни высокая ограда, ни колючая проволока, все равно в это не слишком людное место вряд ли кто-то будет лезть, да и зачем?

Татаринов, сидя в кубрике вместе с половиной своей группы – вторая половина была за стенкой, – слушал, как старший мичман Диденко травит байки про более счастливую жизнь, которой он жил десять лет назад.

Русские склонны к тому, чтобы вспоминать прошлое хорошими словами и критиковать настоящее, не пытаясь даже представить, что же там будет дальше. Национальная черта, подмеченная еще классиками, расцвела в устах Диденко новым цветом.

– Вот помню, как несколько лет назад я первый раз оказался в Германии. Так что я вам доложу, дорогие господа-товарищи, – побрякивая, сообщил Диденко, ворочаясь на своей койке, – когда приехал, так я был поражен. Как у них там все чисто, какие они все богатые! А что я могу сказать про

сегодняшний день? Приехал – да, такие же чистые и богатые, но только какие-то все извращенные донельзя. Вспомните ту улицу, по которой мы ночью ходили. Так это же немыслимо, как люди могут с ума сходить! Разве это нормально?

– Голландия – не Германия, – ответил Малыш.

– Много ты понимаешь, – не согласился Диденко.

– Да-да-да, – поддержал Татаринов Малыша. – Может, ты и в Германии не все видел?! Чего говорить, все равно люди на нас не похожие.

– Почему не похожие? – спорил старший мичман. – Руки, ноги, голова – все одно и то же.

– А вот то, что в голове, в том отличия, – пробасил со своей кровати Малыш.

– Может, и у нас жизнь лучше стала, поэтому и не обращаем уже такого внимания на все их машины да дома, – предположил Голицын.

– Я не об этом, – обиделся на него Диденко. – Ненормальных сколько, ты посмотри. Они хуже, чем обезьяны.

– Ну да, когда европейцы к нам приезжают, они, наверное, от наших алкашей шарахаются точно так же, как мы от их проявлений абсолютной свободы...

Дискуссия о Европе и России затянулась за полночь. Народ абсолютно на трезвую голову философствовал с применением острых аргументов. Татаринов больше не вмешивался... Когда в беседе наступила пауза и стороны начали искать компромиссы, из-за стены послышалось какое-то рыча-

ние. Народ примолк и прислушался.

– Храпит кто-то, – наконец сообщил Малыш.

– Иди глянь, – посоветовал ему Татаринков.

Здоровяк вышел в коридор и прошел в соседний кубрик, где можно было сфотографировать следующую картину: Док храпел с тигриным рычанием, а Бертолет с Марконеи сидели на своих кроватях, заткнув уши и с ненавистью глядя на спящего... Храп был какой-то действительно чудовищный. Неудивительно, что они расслышали его через толстую стену между комнатами.

– Чего не спите? – издевательски спросил Малыш, не обращая внимания на размеренные сотрясения воздуха.

– Попробуй, – предложил ему Марконя, указывая на свободную койку.

– Я уже давно хочу его придушить, – пожаловался Бертолет. – А вот товарищ капитан-лейтенант не дает мне такой возможности.

– Ну-ка, еще раз, – сказал Малыш и, словно дирижер, поднял вверх руку с воображаемой палочкой. Наступила некоторая пауза, которая вот-вот должна была разродиться новым «р-р-рр-р-р».

По какому-то невероятному стечению обстоятельств у Дока случилась задержка дыхания во сне и он перестал храпеть. А поскольку все смолкли и сидели без движения, было хорошо слышно через приоткрытое окно, как по улице прямо рядом со зданием кто-то прошел крадучись... Шаги были

настолько легкими, что можно было подумать на кошку. Но лап у этого животного было точно две, и двигалось оно не быстро, а крайне размеренно. Похоже, наступая с пятки на всю стопу, чтобы производить как можно меньше шума.

Свет в кубрике не горел, что позволяло видеть то, что происходит на улице. Марконя поднялся со своего места и тихонько подошел к окну, выглянул, отпрянул, затем посмотрел на остальных. Капитан-лейтенант отрицательно покачал головой.

– Не вижу, – одними губами сказал Марконя.

Если в Российской армии напротив каждой входной двери стоит дневальный, то эта казарма вообще никак не охранялась. На втором этаже пусто, на первом только они, их группа... Пост был на въезде, и на двух вышках стояло охранение, но больше никого. Поэтому, когда на улице раздался посторонний шорох, спецназовцы напряглись.

Чтобы свет из коридора не попадал внутрь комнаты, Малыш прикрыл дверь. Снова слышались шаги. Чтобы добраться до собственных стволов, им потребуется, как ни крути, несколько десятков секунд. А неведомые люди, кажется, уже здесь... Хорошо еще, что входная дверь казармы закрыта изнутри.

Марконя так никого и не смог разглядеть, что даже как-то успокаивало. Но чередой бесконечных командировок, в которых приходилось побывать капитан-лейтенанту, выработала рефлекс – НЕ РАССЛАБЛЯТЬСЯ!

– Мичман, – обратился он к Малышу, – иди доложи командиру.

Здоровяк вывалился в коридор и нырнул к Татаринovu и компании.

– Ну что там? – спросил Татаринов.

– Да ничего, – ответил ему мичман. – На улице, товарищ кавторанга, шаги какие-то были, но потом все стихло.

– Шаги? – переспросил командир и уселся на своей кровати, откинув с себя одеяло.

Те, кто подходил к ним с улицы, не могли слышать их голосов, они не могли видеть каких-либо перемещений внутри казармы, так как для этого пришлось бы вставать на какой-то предмет, чтобы заглянуть внутрь, ведь окна находятся достаточно высоко.

– Тревога, – шепотом проговорил Татаринов. – К оружию! Доку сыграйте там по-тихому подъем.

Чтобы добраться до своих собственных стволов, спецназовцам пришлось, пригибаясь, проследовать на склад, который находился в конце коридора. Слева была турецкая кладовка, справа – их. Понятно, что турецкая опустела, зато в их «оружейке» все было на месте.

Старший лейтенант Голицын своего командира боготворил за расчетливость, предусмотрительность, отсутствие ненужных или необоснованных приказов. Но сейчас, в первом часу ночи, а может, и во втором... кто знает, сколько сейчас времени? Старший лейтенант посмотрел на часы. Ни-

чего себе, без десяти два, вот горазды языком чесать!

Татаринов иногда совершал какие-то действия, которые сам себе объяснить не мог. Какого черта они посреди благополучной Европы, крадучись, идут, почти ползут по полу, на склад за своим оружием, потому что, по словам мичмана Малыша, со слов капитан-лейтенанта Маркони, кто-то прошел мимо их окон? Это же идиотизм – они находятся под вооруженной охраной внутри военной базы НАТО!

Ситуация... Семь здоровых мужиков, вместо того чтобы дрыхнуть, одетые, лежат в обнимку с оружием и вращают глазами в темноте, ожидая шороха с улицы или, что еще хуже, изнутри.

Казарма старой постройки. Кирпичная. Толстые стены. Бетонные плиты разделяют потолок и пол. Перегородки и комнаты – современное веяние – усиливают звукоизоляцию. Нет ничего удивительного, что, как только по лестнице на первый этаж начал кто-то спускаться, спецназовцы поняли, что к ним заглянули на вечеринку непрошенные гости.

Никто не понимал, что происходит, чем они так насолили местным, чтобы к ним полезли.

«Может быть, охотники за оружием?» – мелькнула у Татаринова мысль, которой он не стал делиться с остальными. У них тут была парочка интересных стволов, которые бы с удовольствием разобрали на детальки где-нибудь в Германии или Франции. Ну просто, знаете ли, такой вот непринужденный обмен опытом. «Да ну, чушь какая! – сам себя

поправил он. – Если бы им чего-то надо было, они купили бы образец, да и все. Пусть это даже новые современные модификации бесшумного оружия. Все можно достать. Наверное».

Старший лейтенант Голицын, приспособив прибор ночного видения, на полусогнутых выполз в коридор, свет в котором спецназовцы предусмотрительно выключили. Приближаясь к лестнице, Поручик на ходу роботизировался, становясь отрешенно-напряженно-безжалостным.

Все происходило быстро.

Но из-за того, что процессор внутричерепной коробки разогрелся и обрабатывал огромное количество информации, казалось, что время течет крайне медленно. Старший лейтенант приблизился к лестнице и, взяв выход с нее на прицел, присел прямо в коридоре, сделался маленьким-маленьким, насколько это было возможно, и сидел в темноте тихо-тихо, как мышь, и ждал, пока неведомый гость спустится вниз.

Чуть сзади за Голицыным занял позицию старший мичман Диденко – он, так же как и старший лейтенант, был вооружен специальным бесшумным автоматом.

Что такое расстояние в двенадцать метров, да еще и в замкнутом пространстве! Это ничего, если они не успеют выстрелить первыми, то с очень большой долей вероятности их заденет одна или даже несколько пуль, если тот, на лестнице, профи, конечно.

Голицын смотрел на выход с лестницы под неудобным для себя углом, он не мог видеть часть пространства. Шаги стихли, тот, кто шуршал на лестнице, теперь не двигался, что добавило градус напряжению, повисшему в воздухе.

Голицын прекрасно понимал, что им не удалось покинуть кубрик бесшумно. В почти пустом помещении, где не было посторонних звуков, любые щелчки и шаги слышны как никогда. А если у противника в ухо вставлен специальный прибор, который делает его слух таким же, как слух ночного животного, то на скрытное перемещение, пускай даже в почти полной темноте, никаких шансов.

Снова шуршание на лестнице – кто-то со второго этажа начал спуск.

«Второй!» – подумал Голицын и понял, что он вряд ли ошибается. Шорох прокатился по верхнему пролету, затем по нижнему и стих на первом этаже.

Прошел еще один и еще. И еще! Люди прибывали, и было понятно, что кто-то накапливается на пяточке, который на данный момент не простреливался.

А может, глюки у старлея? А?!

Ели бы им противостоял один человек, то можно было бы попробовать выяснить, кто он такой и как сюда попал. Но их там больше пяти.

Когда Голицын довел свой счет до семи, у него уже не оставалось сомнений, что это по их души, и не для того, чтобы среди ночи научиться правильно пить русскую водку.

Следом за Диденко в коридор высунулся на полусогнутых Малыш.

Отправив бойцов вперед, Татаринцов и сам стал перемещаться к двери. Необходимо было видеть все самому, да и не испугать Татаринцова перестрелкой. Что он, в перестрелках не был?! Был!

Малыш посмотрел на своих товарищей и по их напряженным фигурам понял, что впереди кто-то есть. Тела бойцов сжались, словно пружины ...

Раздались хлопки!

Со стороны торцевого окна по коридору пролетело несколько пуль, две из которых попали в Малыша. Здоровяк охнул и стал заваливаться на сторону.

Татаринцов тут же втащил мичмана внутрь, а затем высунул руку в коридор и стал поливать торцевое окно ...

Понимая, что их сейчас могут зажать с двух сторон, Голицын отступил с директрисы огня в одну из комнат.

На лестнице тут же началось движение, а в следующее мгновение уже два ствола показались из-за угла и начали простреливать узкое пространство, ограниченное перегородками. Диденко, сматываясь прочь, нырнул в тот же кубрик, что и Голицын, разбрасывая от себя в обе стороны гранаты, чтобы несколько поумерить пыл нападавшей стороны.

Те, кто пришел за ними, не переговаривались, не кричали, они лишь едва слышно ступали по полу. Было слышно, как какой-то человек залазит в окно, за ним следом еще один.

Видимо, взрывы гранат на них никакого особого впечатления не произвели. Спецназовцы не должны были позволить зажать себя. В конечном итоге их тогда добавили бы.

Со-о-бра-жать!

Татаринов представил, как они в семь тел ломаются по направлению к окну, и понял, что это не слишком удобный вариант, учитывая, что у них на руках уже один раненый. Самое страшное во время боя – это потерять управление подчиненными, он понимал это!

– Диденко, слышишь меня?! – запросил он по рации, но ответа не получил. Пришлось орать: – Диденко!

– Так то-о-чно!!! – ответил Диденко, окопавшийся за перевернутыми койками в одном из кубриков.

– Рацию включи!

– Не взял!

– Молодец. Мы с тобой поливаем конец коридора, остальные забрасывают гранатами лестничную клетку. Уходим в сторону лестницы!

Перегородки, сделанные из какого-то пластика, не выдерживали никакой критики, в том числе и критики из оружия.

Тень человека метнулась по коридору в сторону выхода из казарм и тут же получила очередь в корпус, заорала и потом затихла в углу. Здание сотряслось от череды взрывов.

Не дожидаясь, пока отогнанный неприятель вновь займет удобную позицию для атаки, старший лейтенант Голицын со товарищи влетел на пяточок и стал пулями разбирать бетон-

но-лестничный пролет и стену... Рожок у него опустел быстро, но он тем самым дал возможность подойти остальным и разгрузить по половине боезапаса, чтобы никто не посмел высунуться и ответить им. В это время Диденко с Татариновым, прикрывая их, поливали огнем торцевое окно, в которое уже успели залезть двое. Как залезли, так и сникли. Кроме всего прочего, Диденко от щедрости ввалил им туда из подствольника, после чего с улицы раздался крик человека, которого явно посекло.

Интенсивный бой шел в полной темноте, и если бы не приборы ночного видения, то было бы хреновато. Когда ты не понимаешь, откуда по тебе стреляют, становится по-настоящему жутко. Нападавшие вряд ли ожидали, что им будет оказано сильное сопротивление, поскольку в два часа ночи люди обычно спят.

Марконя, не прекращая стрелять, стал подниматься по лестнице, отодвигая от себя граждан неизвестного государства, которые решили пожить славянами. В ответ на его продвижение под ноги полетели две гранаты, пришлось быстро убежать от них вниз, при этом еще орать своим, чтобы те отвалили от эпицентра. Слова при этом он использовал в основном ненормативные...

Спаренный взрыв сотряс в очередной раз казарму. Марконя получил несколько осколков в ноги и спину. Хорошо хоть, голову не задело. Капитан-лейтенант орал, но Голицын, не обращая внимания на крики, сумел оттащить его в кори-

дор.

Чтобы обезопасить тыл, Диденко с Татариновым быстро продвигались к торцевому окну, чтобы зачистить его и не давать возможности залезть к ним. Когда они подбежали к разбитой раме и Диденко на мгновение высунулся на улицу, то он не увидел там никого.

А в это время остающиеся в строю Голицын, Бертолет и Док, не жалея патронов, простреливали лестничные пролеты, чтобы подняться выше. Но, как водится, враг был хитер и опасен. Невидимый противник залег на втором этаже и не давал голову высунуть.

Татаринов оставил у окна старшего мичмана Диденко, а сам побежал к остальным, чтобы попытаться перебить эту свору убийц, непонятно откуда взявшуюся...

– Что там такое? – спросил он Поручика. Тот ответил, что какие-то «нехорошие люди» залегли наверху и не дают им пройти.

– А что гранаты? – спросил командир.

– Закончились. Мы ж не на войну собирались!

– Ага, – согласился Татаринов, почесывая седеющую и лысеющую голову.

Наемники продолжали сохранять спокойствие и вели себя крайне тихо: ни слов, ни звуков, ни тем более переговоров, что могло бы выдать как минимум их национальность. Всегда приятно знать, против кого воюешь. На улице слышался топот, и кто-то начал стучать в закрытую изнутри дверь.

– Опомнились, трах-тарарах, – прокомментировал Татаринов. – Посмотри за мной, Поручик, пойду открою.

Подойдя к одному из окон, которое было ближе всего к крыльцу, капитан второго ранга на корточках высунулся и поглядел, кто там к ним пожаловал. Тревожная группа в составе трех человек охранения с бледным видом, озираясь по сторонам и пригибаясь, колотила в дверь.

– Смелые ребята, – похвалил Татаринов, – не испугались заварушки.

– Just a moment!³ – вежливо ответил им Татаринов, не забыв добавить, что он русский, и напомнил им свои звание и фамилию. Когда троица зашла внутрь, Татаринов указал пальцем вверх на лестницу. Увидев растерзанный гранатами труп в коридоре, голландцы захотели обратно в караулку.

Кэп осмотрел снаряжение вновь прибывших и, не увидев на них ничего существенного, кроме стрелкового оружия, покачал головой. Шепотом он сообщил старшему, что на втором этаже засели человек пять. О том, что они как-то легко проникли на территорию базы, он добавлять не стал.

Голландцы не хотели лезть наверх, но...

– Нам нужен один живой, – сказал Татаринов, вызывая понимание у принимающей стороны.

– Что, старлей, думаешь, – обратился он к Голицыну, – как нам на второй этаж-то забраться?

– Пусть голландцы караулят, а мы зайдем с другой сторо-

³ Секундочку! (англ.)

ны, тем же путем, каким они сюда к нам сами залезли.

– Гениально!

Идея обойти казарму и найти подъем на второй этаж была воспринята Татариновым положительно. После чего они, прихватив с собою Бертолета, отправились в обход, заранее предупредив Диденко, что сейчас пройдут мимо него и чтобы он не вздумал пальнуть по ним, сдуру-то.

– Ага, – согласился старший мичман, продолжая стоять у торцевого окна и контролировать небольшое пространство перед собой.

Голицын продвигался крадучись, не переставая радоваться отменно работающему прибору ночного видения, делающему картинку яркой и качественной.

И тут какой-то урод по периметру включил фонари. Предупреждать же надо! Прибор справился с неожиданной яркой вспышкой, уменьшил яркость, но, блин, было темно – стало светло. Ну не дурак ли там, а?

Старший лейтенант огляделся и, повернув за угол, обнаружил длинную лестницу, которая аккуратно была приставлена к одному из окон второго этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.